

ДИСКУРС

БЕСЕДЫ С ФИЛОСОФАМИ

«Грядёт новая философия»:

Беседа с А.С. Колесниковым

Анатолий Сергеевич Колесников — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, директор научно-исследовательского Центра философской компаративистики и сравнительных социально-гуманитарных исследований, автор ряда монографий, посвященных проблемам философской компаративистики. Беседа состоялась 15 ноября 2007 г. на факультете философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Интервьюер — А.В. Дьяков.

Уважаемый Анатолий Сергеевич, Вы — безусловно, самый значительный из отечественных специалистов, занимающихся философской компаративистикой. Поэтому, прежде всего, я хотел бы задать Вам несколько вопросов, касающихся этой интереснейшей области философского знания. Итак, что такое компаративистика на современном этапе? От простого сравнительного изучения концепций и школ она давно уже ушла...

Компаративистская философия раскрывает философию в сферах цивилизации, культуры, ментальности и концептуальности, рационально обосновывает полифоничность мировой философии, выявляет общее и особенное в философских культурах, разрабатывает международные макропроекты, способствующие взаимопониманию

между людьми, такие как «мировой этос», «глобальная этика», «всемирная философия будущего», «сравнительная литература, «новая научная парадигма» и т.д. Бинарная оппозиция западноевропейской и восточной философии здесь заменяется оппозицией ризоматической, включающей африканскую, латиноамериканскую, арабомусульманскую модели философствования. Классические подходы, имеющие различные стратегии, — рационалистический (логико-аналитический и европоцентрический, трактующий «восточную» философию по западному образцу) и герменевтический (предполагающий экзистенциально-рациональное взаимоистолкование и взаимообогащение западного и восточного философствования) дополняются коммуникационно-диалогическим подходом, отличающимся открытостью, аксиологической ориентированностью, рецепцией, ведущей к эволюции и трансформации собственных традиций с учётом опыта других культур. Философская компаративистика нацелена на выход за пределы обособленных философских культур через обогащение философского языка и самого смысла рефлексии. Опираясь на методологию трансцендентальности, она выделяет предельные типы философствования, рассматривает их соотношения, анализирует особенности индивидуального творчества. В эпоху наступления различных форм глобализации философская компаративистика раскрывает многообразие духовной культуры, заботится о сохранении самобытности философских культур и вместе с тем пытается найти их универсальную составляющую. Для современной неклассической философии философская компаративистика выступает средством синтеза различных идей, концепций, парадигм, философских дискурсов. В настоящее время происходит разработка компаративных истории философии, метафизики, этики, эстетики, философского страноведения, литературоведения и т.п. Большой эвристический потенциал имеет компаративная логика, занимающаяся методологической разработкой функциональной идентичности и поиском онтологических закономерностей, характеризующих состояния не только онто-филогенетического, но и социокультурного синкретизма.

Что же касается вашего вопроса, могу сказать следующее. Философская компаративистика в принципе не ушла от сравнительных исследований. Сейчас этот процесс лишь идёт вглубь. Компаративистика началась с чисто визуального сравнения Востока и Запада, Китая и Европы, Индии и России и т.п.

... с обязательным эпиграфом из Киплинга — «Восток есть Восток, Запад есть Запад и они никогда не поймут друг друга»

Не всегда. Впрочем, оказалось, что это только начало. За всё время существования компаративистских обществ, т.е. начиная с 1939 г., сменилось много этапов. Само по себе сравнительное изучение философских концепций началось ещё в античности; то же самое происходило в Древнем Китае и Древней Индии. Это совершенно естественный процесс. Вообще, нормальное движение философского процесса — это сравнение. Если нет сравнения, и говорить не о чем. Однако в те далёкие времена компаративными исследованиями занимались внутри отдельных школ. Потом начались контакты: например, древнегреческая философия столкнулась с философией Ирана, Индии, Африки, с восточной мыслью в целом; после этого она стала говорить по-другому, поскольку начался поиск особенностей — собственных и чужих. От такого сравнительного анализа концепций мы вовсе не ушли. Я бы сказал, что мы ушли *вглубь*, т.е. теперь мы не просто сравниваем, но пытаемся определить, с какой целью это делается.

Приведу пример: Сергей Леонидович Бурмистров, великолепный историк философии, пишет о Дасгупте (кстати, недавно вышла его книга «Брахман и история»). Однако существует проблема: как представить Дасгупту в качестве мыслителя? Это можно сделать, лишь сравнив его с какими-то другими мыслителями. Конечно, Бурмистров сравнивает его с Радхакришнаном, однако Радхакришнан — тоже индийский мыслитель, так что исследование остаётся в рамках одной и той же национальной традиции философствования. Гораздо интереснее было бы провести сравнение с философами других традиций — обратившись, например, к философии истории Гегеля. Это позволит поставить Дасгупту на один уровень с признанными миром философами.

Но есть и ещё кое-что: философия развивается. То, что раньше не считалось философией, сегодня признано таковой. Таким образом, мы можем теперь говорить об африканской, индийской или вьетнамской философии. Мы, наконец, вспомнили о Цейлоне, где всегда развивалась весьма самобытная мысль. Обратили внимание на австралийскую философию — в Австралии много очень интересных философских обществ и ассоциаций, в том числе и занимающиеся философской компаративистикой. Японский философ-компаративист Накамура написал замечательную книгу, в которой сравнил философские традиции азиатского региона. Тибет отличается от Китая, Китай — от Кореи, Корея — от Японии, и только непросвещённому взгляду они представляются неотличимыми. Необходимо прояснить, что это за образования. Но, если раньше компаративистика занималась поиском синтеза, понимания или наведения мостов, то сейчас она перешла к постмодернистским схемам: «дать голос другому», т.е. все имеют право на речь, и отмахиваться от кого бы то ни было нельзя. К примеру, у нас защищалась диссертация по философии майя — «Древняя философия в Мексике». Все были напуганы: ведь письменных источников нет. А какие есть?

Узелковое письмо?

Не только. Самое главное — была изустная передача. Разве мифология не несёт то или иное мировоззрение? Автор диссертации, девушка из Никарагуа, как раз и проследила движение от мифа к логосу. Защита прошла успешно. Я был первым оппонентом.

Но вернемся к нашему разговору. Сегодня началось масштабное исследование философии в контексте культуры. Поэтому и философская компаративистика *культурно* обоснована. Она включена в культуру; если же это будет не так, мы обязательно что-то упустим из вида. Если мы забудем о том, что есть язык, есть онтология языка, о том, что культура связана и с онтологией, и с историей мысли, у нас получится лишь голая схема. Это огромный пласт, который надо сегодня разрабатывать.

С этим связана и проблема иного, лежащая в основании вопроса «кто я?». Поиски идентичности привели к признанию того факта, что не только большие нации, но и малые этносы имеют собственную философию. Например, после распада Советского Союза государства Балтии обрели самостоятельность, и немедленно возник вопрос: есть ли у них собственная философия? Вроде бы прежде не было...

Кажется, её и сейчас нет...

Но, с другой стороны, почему мы должны отказывать им в этом. Сейчас они заняты поиском собственной философии. Чтобы выяснить, *где и в чём* она, необходимо провести большую работу. Та же проблема и у Белоруссии. В старом шеститом-

нике по истории отечественной философии был раздел «Философия Белоруссии», но речь там шла скорее об общественно-политической мысли. Ищут свою философию и в Украине: Мы знаем Сковороду или Гоголя, у которого тоже можно найти философские идеи. Однако кому принадлежит Гоголь, если как мыслитель он раскрылся в Петербурге? Тем не менее, считают, что он украинец.

Всё это весьма непростые проблемы. Сегодня валлонцы в Бельгии отказываются считать себя бельгийцами; на своей самобытности настаивают баски в Испании. И всё это не просто политические, но общекультурные, в том числе философские проблемы, проблемы философской компаративистики.

Вопрос здесь ставится на старый европейский манер: «кто я?» или, как его формулируют постструктуралисты: «как я?», т.е. «каким образом я становлюсь?».

И то, и другое. Отделить одно от другого нельзя, и именно в этом заключается проблема. Проблематизаций много: общая проблема решается через частные — проблему человека, проблему свободы, проблема идентификации, проблема гражданского общества... Самое важное здесь — никому не навязывать схемы западноевропейской философии и дать возможность другим философиям говорить от собственного лица.

Если вы не возражаете, мы к этому ещё вернёмся — я хочу порасспросить Вас об экзотических регионах. А пока обратимся к другому вопросу: как возможен диалог различных культур, если каждый вопрошает «кто я?», причём делает это по-своему, и как этот диалог будет развиваться в ближайшие годы и десятилетия? Что такое вообще «другая культура»?

Это вечный вопрос. Дело в том, что диалог культур происходит постоянно, но результаты его становятся заметны лишь по прошествии большого количества времени. Посмотрите на Восток, как средний, так и дальний: разве буддизм всегда был основной религией Китая? Отнюдь: он пришёл из Индии и много лет спустя стал китайским. Посмотрите на русскую философию, которая от святоотеческой традиции перешла к светским формам. Диалог культур развивается по многим направлениям.

Обратитесь к книгам Александра Николаевича Чумакова по глобалистике¹, где он хорошо показал, что в действительности мы уже давно глобализуемся. Хотим мы того или нет, глобализация сегодня стала мечом, который может отсечь те части нашего общественного тела, о которых мы забудем. С приходом эпохи информационной цивилизации диалог вступил в решающую фазу. Как только мы подошли к интеграции, объединению, синтезу, к которым мы так стремились, неожиданно обрели силу дезинтеграционные процессы. Интеграции без дезинтеграции не существует.

Каждая культура самостоятельна. А другая культура — это та культура, которой вы не знаете. Это не значит, что это какой-то антипод нашей культуры; напротив, это та культура, которую мы должны познать. Культуру очень трудно уничтожить. Например, в Южной Америке сохранились этносы, говорящие на кечуа, который испанские конкистадоры так долго старались уничтожить. Однако сохранились элементы культуры, носителями которых порой оставались лишь единицы, и культура выжила. Язык можно уничтожить, лишь истребив его носителей. Такое случилось, например, на Кубе, автохтонное население которой подверглось истреблению, так что потомки белых конкистадоров и чёрных рабов создали кубинскую культуру заново. И те, и другие принесли с собой свою философию. А в андских странах древняя культу-

ра и философская мысль сохранились, потому что выжили их носители. Я повторюсь: другая культура — это культура, которой мы не знаем. (Речь не идёт, например, о культуре геев или наркокультуре — это нечто иное.) Диалог между культурами возможен, и он постоянно идёт. Но вот развивается он с большим трудом. Чаще всего всё сводится к прекраснотушным мечтаниям, и о каких-то конкретных результатах говорить пока не приходится.

Я попытаюсь проиллюстрировать трудности на этом пути, обратившись к примерам: сегодня существуют североамериканское неоконфуцианство, немецкий буддизм, французское и германское мусульманство. Ведь 20 % населения Германии (т.е. каждый пятый) не являются немцами, там живёт 12 миллионов мусульман. Поэтому сейчас жаростно дискутируют о том, строить ли в Германии мечети, во Франции происходят известные волнения (которые, кстати, затронули даже валлонов). Эмигранты переселяются в Европу, они здесь необходимы, поскольку европейские нации стареют, а рабочие руки по-прежнему нужны. Но, переселяясь, человек привозит с собой и всю *свою* культуру, не интегрируясь в *чужую*. В США рассчитывали на то, что эмигранты превратятся в американцев, но этого не произошло: в Америке есть китайские, латиноамериканские или русские анклав и, соответственное, китайская, латиноамериканская или русская Америки... Точно так же есть русская Франция, причём русские так и остались русскими. Некоторые из них интегрировались во французскую культуру, например, стали учёными, и тем не менее, все знают, что они русские. Поэтому возникает закономерный вопрос: а нужно ли вообще стремиться интегрировать их? Есть много государств на Среднем и Дальнем Востоке, где различные культуры уживаются, смешиваясь, но не сливаясь; даже религии здесь эклектичны и адаптированы к местным условиям.

Существует ведь, помимо прочего, потребность в чужаке, в другом...

Безусловно. Именно поэтому диалог развивается так медленно.

Возможна ли другая культура внутри своей собственной? К примеру, мы говорили о Радхакришнани: можно ли его считать индийским философом, если учесть, что он получил образование в Англии и мыслил на европейский манер, хотя при этом и был историком своей, индийской, философии?

Таких мыслителей XX век знал много. Уже появились специальные исследования об африканцах, которые получили образование во Франции или в Англии и остались там жить, но при этом пишут о своей культуре. Другие же вернулись на родину, привезя с собой багаж рационалистического мышления, однако по-прежнему остаются африканцами. На этом уровне тоже происходит межкультурный диалог, но это диалог неравноправный, поскольку западная философия довлеет. В арабско-мусульманской культуре сейчас спорят о том, где её самобытная философия, где её искать — в Коране? в средневековой культуре? или всё-таки в синтезе того и другого с западной философией? У меня была докторантка из Йемена, учившаяся в Гейдельберге и написавшая блестящую работу по этой теме.

Мы очень страдаем от того, что мало бываем за границей и слишком многого не знаем. В XIX в. русские преподаватели, претендовавшие на профессорскую должность, по окончании университета обязательно уезжали на год-два в Европу, слушали там лекции, писали работы и становились действительно квалифицированными спе-

циалистами. А мы живём вприглядку. Читать или переводить — совсем не то же самое, что быть в другой культуре. Диалог культур происходит прежде в торговле, в образовании, в литературе, а уже затем в философии и в культуре вообще. Давая образование молодым интеллектуалам, мы передаём им собственные установки и свою чувствительность к определённым феноменам.

Расскажите, пожалуйста, о недавно прошедшем на Родосе форуме «Диалог цивилизаций».

Это был фундаментальный форум, проходивший уже в шестой раз. Около пяти сот человек из пятидесяти четырёх стран работали в течение пяти дней. Я побывал там с большим удовольствием, потому что встретил многих своих друзей, которых не видел много лет. Моя знакомая из Кении, Сесиль, как оказалось, теперь живёт в Канаде, поскольку дома её западничества не поняли. Там же я встретил Морис Дени из университета Бордо-3, с которой мы познакомились в 1995 г. После моего выступления она сказала: «Анатолий, оказывается, я занимаюсь компаративистикой!». Или Петр Дудкевич из Карлтонского университета в Канаде, являющийся директором Института европейских и русских исследований. Кроме того, много друзей, которые работали или учились в нашей стране или участвовали в российских конференциях. Шариф Хелми, например, стал ректором Египетского русского университета в Каире. Другой возвращённый у нас интеллектуал оказался ректором университета Дели. Или, к примеру, мой добрый товарищ Санаи, когда-то занимавшийся культурными связями в Иранском посольстве, а теперь участвовавший в работе форума как директор одного из центров по культурным связям. Мы восстановили прежние связи.

Остров Родос восхитителен — тёплое море, температура воздуха 26°... Мы осмотрели то место, где когда-то стоял Колосс Родосский. От самого Колосса, конечно же, ничего не осталось, и сегодня трудно представить себе, как он выглядел.

Европейцев на форуме было мало, если, конечно, не считать европейцами россиян. Европейцы и так повсюду, так что их присутствие на «Диалоге цивилизаций» было не так уж обязательно. США представлял Эммануил Валлерстайн, создатель знаменитой мир-системной концепции, он проводил свой «круглый стол». Приехало очень много китайцев, которые составили отдельную секцию. Я работал в секции «Высшее образование» и прочитал кей-доклад об интеркультурализме в философии образования. Я говорил как компаративист и предложил соответствующую методологию, что вызвало большой интерес. Но большинство выступающих просто отчитывались: у нас философия образования отличается такими-то особенностями... Конечно, это было очень познавательно и, безусловно, необходимо, однако хотелось услышать что-то большее. Исключением стало выступление модератора секции Нура Сериковича Кирабаева — проректора РУДН. Главными эффектами подобных форумов являются прояснение собственных позиций, общение, установление связей между людьми разных культур. Я познакомился, например, с несколькими шейхами. Всё, что происходило на форуме, служило укреплению мира. «Диалог цивилизаций» для того и существует, чтобы выступить против Хантингтона, ведь столкновение цивилизаций и культур труда не требует, а вот достичь компромисса, понимания, найти точки соприкосновения цивилизаций намного сложнее.

На каких языках говорили выступающие?

На форуме было пять рабочих языков — английский, французский, китайский, испанский, русский. Арабский первоначально не был включён, но переводчики-синхронисты нашлись. В общем, никакого ущемления не было, и каждый мог говорить на своём языке.

Нашим международным конференциям присущ такой порок: англоязычные ораторы говорят по-английски, и всякий желающий послушать и пообщаться должен знать этот язык...

Если мы хотим войти в мировое сообщество, английский учить всё-таки придётся. Это по-прежнему язык международного общения. Я общался, например, с кубинцами, которые были очень удивлены тем обстоятельством, что я говорю по-испански. Были испанцы или португалоязычные уроженцы Азорских островов, и с ними тоже можно было объясняться по-испански. Но на форуме им пришлось говорить по-английски.

На мой взгляд, форум удался, и в дальнейшем можно рассчитывать на его продуктивную работу. Многие выступающие говорили о пост-глобализации...

Как раз этот вопрос я и собирался Вам задать. Как я слышал, Валлерстайн заявил, что у глобализации больше нет перспектив. Что такое пост-глобализация?

Речь о том, что все ранее заявленные принципы глобализации исчерпаны. Валлерстайн заявил, что о глобализации больше не стоит говорить. Сегодня мы лишь углубляем сделанное ранее, какие бы концепции мы под это ни подводили. В принципе же глобализация уже состоялась. Философия всегда идёт впереди истории, а не плетётся за ней, обеспечивая объяснение уже происшедшему. Нужно думать о будущем. Поэтому Валлерстайн и говорит о новой стадии — стадии пост-глобализации.

У нас уже шла об этом речь, и тем не менее, хотелось бы вернуться к следующему вопросу: расскажите, пожалуйста, о том, что интересного, на Ваш взгляд, происходит в тех регионах, на которые историк философии, как правило, не обращает внимание и которые расхожее мнение считает «философской пустыней». Я имею в виду Азию, Африку, Латинскую Америку.

Чтобы увидеть интенсивность происходящего, достаточно обратить внимание на невиданный рост числа новых философских журналов в этих регионах. Есть, например, очень интересные африканские издания, в которых печатаются местные интеллектуалы. Такова же и ситуация в Азии. Когда мы говорим об азиатской философии, обычно мы вспоминаем лишь о том, что было когда-то в древности. Но ведь там и сейчас происходят очень интересные процессы.

Из африканской философии мы знаем только негритюд...

Это дело давнее. Негритюд как философия негро-африканской сущности ушёл в прошлое. Был и коншиенсизм, теория нового социализма Ньерере... В Африке можно насчитать по меньшей мере пять философских направлений. Прежде всего, народная философия — философия сказителей, изначально передававшаяся изустно, о которой сейчас много пишут. Здесь можно увидеть переход от мифологии, от сказанного, к философии. Проект исследования философии мудреца, народной философии (Sage Phi-

losophy) предложил в свое время Генри Одера Орука, который показал, что нам мешают понять африканскую мысль европоцентристские предубеждения. Толковать досократиков как философов можно, а вот мудрецов из простого народа Африки — нельзя.

Боюсь, что пуристы не примут выражения «народная философия».

Думаю, это выражение вполне правомерно. Когда-то использовали выражение «этнофилософия», но то, что называется этим словом, ближе всего к негритюду, которым не исчерпывается всё многообразие африканской мысли. Если мы станем утверждать, что философия существует лишь в университете, нам придётся считать, что у африканцев вообще нет и никогда не было философии.

Языки африканской философии различаются, ибо африканских языков много. Очень интересна эфиопская философия, которая стала известна в Европе начиная с XIV века. Есть в Африке и позитивизм, и экзистенциализм, и социал-демократическая, и консервативная философия, и постмодернизм. Имеют место, конечно, и попытки укорениться в западной философии.

Когда-то я был поражён рассказом Михаила Яковлевича Корнеева о многообразии направлений в африканском экзистенциализме...

Конечно. Особенно модным экзистенциализм в Африке стал в 1960-е годы, когда экзистенциалистские идеи завезли сюда обучавшиеся во Франции интеллектуалы. Эти люди, опираясь на западную философию, пытались понять, что же происходит у них на родине. В Африке достаточно современных самобытных философов. Среди них живущие на Западе и «укорененные» в западную философию и местные мыслители — Шейх А. Диоп, Франц Фанон, Али Мазруи, Воле Шойинка, Кваме Энтони Аппиа, Узо Эгону, Бучи Эмечета, Питер Бодурин, Фабьен Эбюсси-Булага, Кваме Гьекье, Полин Хунтонджи, Сэмюэл О. Имбо, Кваси Виреду, Д.А. Масоло, Джон С. Мбити, В.И. Мудимбе, Нгуи ва Тьонго и другие. Я не говорю уже о мыслителях 60-годов Пласиде Темпельсе, Алексисе Кагаме, Леопольде С. Сенгоре, К. Нкрума, А. Нденгуэ, А. Ндау, Ж. Мфулу.

Само собой, в Африке утвердилась западная система образования. По отношению к Западу африканцы делятся на англофонных и франкофонных. И те, и другие в равной степени заботятся о своей образовательной системе. Англофонные ориентируются на Кембридж или Эдинбург, а франкофонные — на французские университеты. Во всём этом много положительного, и нам есть чему поучиться у африканцев. Недавно я получил из Нигерии три запроса о подтверждении квалификации доцентов, претендующих на звание профессора. Международное признание для них является обязательным. У нас же это никого не интересует.

То есть эти люди защитили диссертации в Нигерии или на Западе, работают там, но продвижение по академической лестнице требует рецензирования или квалификационной оценки?

Именно так. То же самое, кстати, происходит и в Америке, где при прохождении конкурса на должность обязательны отзывы экспертов из других университетов. У нас же пока обходятся без экспертов, и это плохо. В общем, соотношение национального и интернационального в африканской философии беспрецедентно. Афри-

канские интеллектуалы, живущие в западном мире, пишут о своей Африке. И это совершенно естественно: о чём же им ещё писать?!

Другим примером является Латинская Америка, представляющая собой уникальный анклав. Латиноамериканская философия родилась ещё во времена конкистадоров, а по большому счёту — задолго до них. Она прошла и теологическую стадию, и стадию позитивизма, здесь увлекались и кантианством, и спенсеризмом, и все европейские философские моды XX века также не обошли стороной этот интереснейший континент. Влияние на латиноамериканских философов оказывали и Северная Америка, и Франция. Чётко обозначены периоды увлечения философией Краузе и Ортеги-и-Гассета. В начале 1920-х гг. в Латинской Америке появляется своя собственная философия. Но это не отменяет ни попыток теологического возрождения, ни постмодернизма, которые здесь также играют видную роль. Например, Рауль Форнет-Бетанкур — кубинец, многие годы возглавлявший Международный Центр в Аахене, — занимается проблемами интеркультурной философии. Уникальность ситуации в Латинской Америке заключается в том, что философия здесь является подлинным путеводителем и наставником для всех образованных людей. У нас такого нет, философия существует отдельно от народной массы. Все крупные латиноамериканские газеты постоянно публикуют философские статьи. Помимо толстых философских журналов, выходят издания малого формата и объёма, предназначенные для самых широких масс.

Есть ли философия в Австралии? Конечно, есть.

Она чем-то отличается от европейской или североамериканской?

Разумеется. Хотя австралийская цивилизация и была завезена из Англии, здесь появились самостоятельные мыслители уже в начале XX века. Сейчас мы имеем интересные исследования по истории философии в Австралии (первая вышла в 1984 г.), есть и другие обобщающие работы. Сейчас такие работы выходят с удивительным постоянством. Мы же по-прежнему мало что знаем об этом.

Действительно, это так. Я, например, читал о том, что Бодрийяр в 2001-м году посетил Мельбурн и Окленд и что его лекции произвели на антиподов сильнейшее впечатление. Только на этом основании и могу судить о том, что в этих местах тоже обитают философы.

Когда в начале 1980-х Бодрийяр первый раз приехал в Австралию, на таможене у него изъяли все фотографии и прочие материалы, потенциально опасные для местной культуры. В те времена в Австралии была очень популярна «mind-body problem», своеобразный американский реализм, очень сильны традиции витгенштейнианства и вообще аналитической философии. Всё это есть и сейчас, но в конце 1990-х годов в Австралию проникли постмодернистские идеи, ставшие весьма популярными.

Что вообще происходит с философией? Будет ли Европа оставаться единственным центром философской мысли? Где сегодня географический центр философии? В 1970-е годы он, несомненно, располагался во Франции. А есть ли он сегодня?

Сегодня центров много. Центр африканской философии — в Африке, центр латиноамериканской — в Латинской Америке, североамериканской — в Северной Америке и т.п. Существуют французская, немецкая, китайская или индийская философии

со своими центрами. И к объединению стремиться просто нельзя. Когда Деррида читал лекции в США, он признал, что одновременно с его работами и безотносительно к ним в Америке разрабатывал собственную концепцию деконструкции Поль де Ман. Так где же центр?

И тем не менее, деконструктивизм в Америке стал популярен благодаря Деррида. Сам он признавал, что американцы разработали другую деконструкцию.

...Такую деконструкцию, которая деконструирует Америку. Это может быть просто риторикой, но может и оказаться истиной. Так или иначе, я считаю, что географических центров у современной философии много.

Спор сегодня идёт о другом: есть ли в философии нечто всеобщее, или же она всегда культурно-цивилизационно укоренена. Есть ли универсалии философской культуры. Точек зрения очень много. Даже в Латинской Америке одни говорят, что существуют лишь национальные философии, а другие — что философия везде остаётся таковой. По-моему, истина располагается где-то посередине: философия как универсальная структура развивается везде, но по-разному. Не существует общего без частного.

Теперь я хотел бы перейти к вопросам, касающимся Вашего творчества. Уже не одно поколение философов читает Вацу замечательную монографию о философии Б. Рассела⁴. Сегодня же Вы известны как специалист по философии, которую принято называть постмодернистской. Как произошёл этот переход?

Я время от времени возвращаюсь к аналитической философии. Всё собираюсь пересмотреть книгу о Расселе, да времени не хватает. Недавно моя аспирантка защитила диссертацию по философии литературы Рассела, написав, таким образом, о том, о чём обычно не пишут. Сейчас мы пытаемся заново обратиться к политической философии Рассела, его истории философии: монографий по этим темам нет, и их нужно написать. Так что от аналитической философии я вовсе не отошёл.

Однако с 1990 года я занимаюсь философской компаративистикой. Наверное, просто прошло то время, когда нужно было копать колодец в глубину, и мне захотелось побегать по лужайкам. Лужаек оказалось много. Однако и в колодец я порой заглядываю.

Постмодернистом я бы себя не назвал. Скорее, я пишу о постмодернистской философии (вышло уже пять учебников с моими разделами по этой теме). Было много статей, я подготовил к защите двух докторов, писавших о философии постмодерна. Этот переход объясняется очень просто: изменились реалии, возник новый общественный интерес, а раз он появился, я счёл, что должен на него отвечать. Тем более, что в те времена я заведовал кафедрой современной зарубежной философии. Я погрузился в этот новый для меня мир и вскоре выяснил, что ничего страшного в нём нет. Но самое главное, нужно было включить эти идеи в философский оборот. И я стал читать лекции по философии постмодерна и у себя на факультете, и на истфаке, на которые, как я потом узнал, приходили студенты и творческих вузов Санкт-Петербурга, и студенты других факультетов университета.

Я порой замечаю, что известные мне специалисты по аналитической философии составляют что-то вроде закрытой касты. Они признают лишь Рассела и Витгенштейна, если лее они эрудированны — Фреге, Куайна и других, но за пределами

этого круга они никого не признают и почти не контактируют с историками философии, изучающими другие школы и направления.

Такая проблема существует, и не только на уровне историков философии. В Швеции, Финляндии, Норвегии преобладает аналитическая философия, для Америки это и есть философия по преимуществу. Однако на смену аналитической пришли пост-аналитическая и пост-пост-аналитическая философии. Конференции по пост-аналитической философии проходили ещё в начале 1980-х годов. Аналитическая философия отказалась от некогда заявленной претензии на антиметафизичность. Выяснилось, что метафизика в ней присутствует. Привлекательность этой традиции в том, что она предлагает строгое рациональное мышление, чуждое всякой иррациональности. Она доказательна, хотя её доказательность удовлетворяет далеко не всех. В конце XX века аналитическая философия обратилась к философии права, морали, истории...

Таким образом, она выходит из того гетто, в которое когда-то сама себя заперла...

Уже вышла. Просто не все это заметили. Так что говорить о принципиальной замкнутости аналитической философии я бы не стал. Хотя в Америке это действительно так. Во Франции тоже существует аналитическая философия, которая внешне себя никак не проявляет, поскольку её импульс здесь угас. В Англии же не представляют себе другой философии.

В 1980-х в Англии появились свои постструктуралисты — Т. Иглтон, Э. Истхоуп и другие...

Это единицы. Всё-таки на острове преобладает аналитическая философия. А с ней происходят интересные вещи: аналитическая философия смыкается не только с постструктурализмом, но с марксизмом и пост-марксизмом и даже со своим антиподом — экзистенциализмом. Ведь экзистенциализм не исчез, просто теперь началось его аналитическое прочтение.

Есть ли что-то общее между аналитической философией и постструктурализмом? Как правило, представители последнего отзываются об аналитической философии с неприязнью. Делез даже назвал витгенштейнианство «философской катастрофой».

Это не значит, что во Франции такой традиции вообще нет. Например, Вайлемин пишет об аналитической философии во Франции. Одно дело — приятие или неприятие со стороны какого-либо конкретного философа, и совсем другое — общая тенденция.

Согласен. К примеру, Фуко не испытывал неприязни к аналитической философии и открыто пользовался её техниками в своей «Археологии знания». Впрочем, это как раз частный случай.

Большинство постструктуралистов тоже используют эти техники, только не называют их открыто. Любой анализ — это и есть аналитическая философия, если понимать её максимально широко. В общем, мне кажется, никакой катастрофы нет.

Фуко, Деррида, де Ман — эти имена чаще всего встречаются в Ваших работах. Чем привлекательны для Вас эти фигуры? Пару лет назад вы говорили, что попытались перечитать Рассела и обнаружили, что после блестящего слога постструктуралистов его текст выглядит редкостным занудством.

Конечно, несколько раз прочитав книги Фуко со своеобразной, но очень доказательной логикой, прочитав книги Деррида, насыщенные коннотациями, взаимосвязями и переходами, — причём в конце книги вам не сообщают, где истина, возвращаться к Расселу было тяжело. В равной мере к этому относится и замечательный текст де Мана. Но не только: я одним из первых стал писать о Бланшо, которого у нас не считали в то время философом...

...И которого у нас почти не знают.

Именно. У нас были известны лишь несколько его статей, правда, сейчас пошли и переводы его значимых книг... Для меня привлекательны и Жан-Люк Нанси, и Ален Роб-Грийе, о которых я тоже писал, и привлекательны они, прежде всего, новизной. Они предлагают подход, который академическая традиция считает нефилософским. Но если мы хотим двигаться вперёд, мы должны его учитывать. Сегодня постмодернистский подход в философии уже воспринимают спокойно.

Кое-кто всё ещё упирается...

Это уже неважно. Постмодернизм можно ругать, как в своё время ругали позитивизм, кантианство, махизм или спенсерианство, однако концепции существуют, имеют своих приверженцев и уже укоренились в философии, независимо от того, нравится это кому-то или нет. Постмодернизм был подобен пожару, прошедшему по философскому лесу. Когда после пожара стали разбирать завалы, выяснилось, что огонь принёс с собой очень непростые и интересные вещи.

Интересных для меня фигур в современной философии очень много. Я не устаю удивляться тому, как мало мы знаем. Я стремлюсь узнать больше. Кстати, и Ваша работа расширяет наш кругозор. У нас есть оригинальные исследователи. Так, например, Майя Соболева написала монографию о философии языка в Германии. Сперва мы двигались неуверенно, но потом выяснилось, что это очень интересная сфера. Нужно уходить от тех горизонтов, которые видишь перед собой. Поэтому и я как человек, устремлённый вперёд, а не назад, всегда пребываю в поиске.

Расцвет тех фигур, о которых мы говорим, остался в 1970-х — 80-х годах. А что происходит с западной философией прямо сейчас?

О горизонтах философии XXI века я попытался сказать в своей статье, опубликованной в «Историко-философском ежегоднике» за 2006 год¹. Там Вы можете найти ответ на этот вопрос.

За что бы вы ни взялись, оно по-прежнему присутствует в философии. Много толковали о конце метафизики, но сегодня уже стало ясно, что метафизика никуда не исчезала, просто теперь мы представляем её по-другому. По-прежнему существуют и онтология, и гносеология. Мы по-прежнему работаем с теорией познания, только теперь в неё включились многие новые проблемы, например, те, что пришли из психолингвистики. То же самое происходит с социальной философией: классические понятия «нация», «народность», «общество», «природа» не исчезли, но приобрели новый

смысл. В этом отношении очень интересна социальная философия Константина Семёновича Пигрова⁷, который показал, что метафизика крови, раны или любви, философия пира и философия пива имеют право на существование, ибо они уже присутствуют в нашем мире. Ведь социальная философия — это философия общества и человека, и она не должна отворачиваться ни от каких явлений. Это принципиально новый взгляд, который вы можете называть так, как вам нравится, — постмодернистским, сканирующим или каким-то ещё.

Философия сегодня стала *топологической*. Время горизонтальных и вертикальных срезов прошло, и мы обратились к топологии. Здесь, как при геодезической съёмке, учитывается всё. Здесь становится различимым то, что постмодернисты называли *складкой* и *следом*. След оставляет *что-то*, и ведёт он от *чего-то* к *чему-то*. Все постмодернистские штампы взяты из жизни, поэтому ризоматическое мышление работает так успешно.

Развитие философии идёт по всем направлениям. Возьмём, к примеру, историю философии, тот её раздел, который изучает классиков: эта история абсолютно маскулинная. А разве не существовало женской мысли? На Западе уже в XIX веке вышел трёхтомник по истории философии женщин⁸. У нас же об этом не задумываются, нам это представляется курьёзом, хотя ничего курьёзного в женской философии нет. Почему мы должны делать вид, будто женщин-философов никогда не существовало? Я писал об этом ещё лет десять назад, но реального отклика моя работа не получила. Впрочем, Василий Викторович Ванчугов в своё время написал о русской философии женщин, получился весьма оригинальный текст⁹.

Для меня как для историка философии стоит ещё одна проблема — проблема философии истории философии. Это очень интересная и малоисследованная область. Главный вопрос здесь заключается в том, кто, когда и на каких основаниях делает того или иного философа классиком. Как приходят классики и как они уходят? Как Декарт стал центральной фигурой в истории философии?

Мы пользуемся узким кругом книг по истории философии. Вот разве что Светлана Мальцева перевела четырёхтомник Дж. Реале и Д. Антисери. Немного перевели из Н. Аббаньяно. А больше у нас ничего по этой теме нет.

Кстати, как вы оцениваете этот четырёхтомник?

Хорошая работа, но написана она для итальянцев. Кроме того, она насквозь европоцентрична. Я общался с обоими авторами в МГУ, и они настаивали на том, что основой философии выступает философия Древней Греции, от неё можно отказываться, но она лежит в основании всего. С другой стороны, есть пятитомник Сантинелло, о котором у нас знать не знают. Есть, например, китайские истории философии, предназначенные для китайцев.

Мы же знаем только книгу Фэн Ю-Ланя, написанную для Запада.

У нас известна только одна его книга, а ведь у Фэн Ю-Ланя есть двухтомник, изданный на китайском и на английском языках. Свои варианты истории философии есть и в Латинской Америке. Но мы знаем лишь малую часть этой литературы. У нас бесконечно переиздаются книги по истории западной философии, в которых воспроизводятся одни и те же общеизвестные имена. Почему-то считается, что история западной философии исчерпывается английскими, немецкими, французскими и амери-

канскими концепциями. Остальной же мир словно бы и не существует. А разве русскую философию нельзя считать западной? Некоторые русские философы не менее, а то и более интересны, чем английские или американские.

Таким образом, философия истории философии как раз и требует расширения сферы историко-философского исследования. Но, кроме того, она обращает самое пристальное внимание на методологию историко-философского исследования. Старые варианты истории философии, укоренённые в марксизме-ленинизме, при всей своей качественности, несут слишком много идеологем, от которых хорошо бы избавиться. В реальности партсъезд никогда не определял характер мысли, но без ссылки на него монографию не принимали в печать. История философии имеет собственные методологию и источники развития, которые пока никто всерьёз не изучал.

Где сегодня фронтир истории философии? Мы видим слишком много замкнутых школ. Например, многие историки русской философии не желают знать никого, кроме Бердяева, который, признаться, уже порядком надоел. Я ни в коем случае не нападаю на всех без исключения историков русской философии, ибо вижу, что Петербургская школа постоянно обращается к новым именам. Мне очень интересны работы Александра Иосифовича Бродского...

Я бы добавил имена Игоря Ивановича Евлампиева и Бориса Владимировича Емельянова из Екатеринбурга. В Москве также выходят интересные работы.

А вот у меня складывается впечатление, будто в Москве и в провинции никакого движения не происходит. Когда я интересуюсь, какие диссертации защищают по истории философии, я по-прежнему натываюсь на темы вроде «Антропология П. Флоренского» или «Философия свободы Н.А. Бердяева». На эти темы уже написано так много, что становится непонятно, зачем продолжать множить подобные работы.

Возможно, это связано с тем, что новая литература у нас плохо распространяется, так что преподаватели старой закалки, укоренённые в неких догматических схемах, по-прежнему полагают, что этого достаточно. Однако новая волна уже пришла. Например, покойный Ахиезер предлагал собственную точку зрения, которая многим не нравится, но которая представляла собой попытку нового прочтения известного материала. Я полагаю, что вот-вот появится новая история русской философии, какой-нибудь всеобъемлющий компендиум. За это должны взяться Академия Наук и Институт философии, которые могут собрать самых разных авторов.

Новации уже есть. Например, интересные работы появляются в Ростове-на-Дону. Я вспоминаю, например, работу по Данилевскому, в которой этот мыслитель представлен не только как азицентрист, но и с ранее неизвестных сторон. В Петербурге, например, обращаются к философии Рериха...

Его уже перестали считать сумасшедшим эзотериком?

По счастью, да. И обнаружилось, что в его творчестве присутствуют очень интересные философские конструкции. Никогда не стоит воспринимать того или иного автора догматически.

В силу специфики журнала нас больше интересует история западной философии. Однако и здесь ситуация неутешительна: защищаются бесконечные диссертации.

ции по «Критике чистого разума» Канта, тогда как, например, плохо исследованная кантовская «Антропология» мало кого интересует. А вот Гегель, кажется, отпугнул всех... Куда, по-вашему, стоит двигаться историку зарубежной философии?

Школа истории западной философии остаётся традиционной, но вот акценты расставляются как-то странно. Поскольку марксизм генетически связан с гегельянством, о Гегеле в Советском Союзе писали много. Его можно и нужно исследовать дальше, так же как Платона, и несомненно, что новые работы будут появляться. Однако Кант сегодня оказался востребован заново, например, в связи с постмодерном или с витгенштейнианством. Кант занимался всем. В какой-то момент философам показалось, что трансцендентное исчезло, но теперь выяснилось, что это не так. Для того чтобы понять, что происходит в современном мире, опять обращаются к Канту. Почти все постмодернисты являются историками философии, и свои концепции они выработали благодаря новому прочтению тех текстов, которые у нас сводили к голым схемам. Так, например, Деррида и де Ман заново прочитали Руссо и показали, что это совсем не та фигура, какой мы её себе представляли. Постмодернисты актуализировали те проблемы, которых мы, двигаясь линейно, просто не замечали. То же касается Хайдеггера...

...от которого все уже шарахаются — так много его стало на рубеже веков.

...или Ясперса как историка философии. Великолепным историком философии оказался Умберто Эко. Первое прочтение не отменяет второго, третьего, четвёртого... В итоге же мы можем получить принципиально новый синтез. Сегодня как раз и происходит переинтерпретация известного. Поэтому, я полагаю, история философии заново обратится к фигуре *автора* и займётся составлением его философской биографии. Ведь автор тоже никуда не делся: то, что сделал Фуко, никто другой сделать бы не смог. Никто не сказал бы сказанного Лаканом. Ведь, хотя атмосфера общая, но разные люди говорят по-разному.

Неверно говорить об исчерпанности модерна и постмодерна. На смену модерну пришёл постмодерн, философы много обсуждали понятия *modernity* и *postmodernity*. Но разве модерн и постмодерн исчерпали себя? Разве что как школы. Точно так же позитивизм или философия науки кончились как школы, но их влияние в философском мире сохраняется. Если у фрейдовского психоанализа как школы нет будущего, это не значит, что мы перестанем говорить о бессознательном. Постмодерн пришёл, и он работает, поэтому он остаётся с нами.

В истории философии зачастую происходит подмена понятий: констатируя завершённость модерна и постмодерна как парадигмальных проектов западного мира, начинают говорить об исчерпанности модерна и постмодерна как философских движений.

Как только мы начинаем говорить о глобальном, мы сталкиваемся с локальным. Поэтому говорить следует очень и очень осторожно. Я всегда с недоверием относился к ругательным статьям, в которых постмодерн называли дребеденью. Если одному человеку нравятся блондинки, а другому — брюнетки, это вовсе не значит, что они не могут понять друг друга. Однако я вообще сомневаюсь в существовании глобальной программы. Философская компаративистика занимается темпоральным сравнением, например, сопоставляя Конфуция и Сократа. Сопоставление вполне пра-

вомерно: почти в одно и то же время два мыслителя, живущие в разных концах света, высказывали сходные идеи. Хотя они говорили на разных языках, социальные проблемы в Греции и в Китае были сходны. Но можно ли в этом случае говорить о некоем глобальном движении в философии?

В тех случаях, когда культуры соприкасаются, этот вопрос не исчезает. С пришествием постмодерна в азиатских регионах — на Цейлоне, в Индии или в Китае — было очень трудно найти термин, которым можно было бы выразить понятие «постмодерн». Как его записать иероглифическим письмом? Сперва пришла культура постмодерна, охватившая в том числе и азиатские страны, а затем началась философская рефлексия по поводу этого культурного состояния. Так имеет ли смысл говорить о глобальном проекте? Пожар пролетел поверху, а деревья азиатского леса остались прежними. Постмодерн в данном случае и есть верховой пожар.

В Латинской Америке проблема постмодерна тоже занимает умы философов. Но это не означает, что латиноамериканская философия стала постмодернистской. Философы осмысливают произошедшие перемены, используют постмодернистские методы исследования, но это ещё не делает их самих постмодернистами.

Брюно Латур в своей интереснейшей книге «Нового времени не было» говорит о том, что избавиться от модерна средствами постмодерна невозможно, поскольку в постмодерне продолжается модернистский проект. Теперь, когда постмодернисты выполнили работу по деконструкции модерна, следует не множить всяческие пост-пост-постмодерны, а вести себя так, словно Нового времени и модерна вообще не было, занявшись созданием проекта нон-модерна.

Мне симпатична точка зрения Латура. Однако проблема, на мой взгляд, состоит в другом: ничто не вечно под луной. В Средние века казалось, что ничего нового не будет, одна и та же культурная парадигма работала в течение десяти веков. Однако неожиданно она пошла на слом. Немецкую классическую философию в своё время считали завершением философии как таковой, поскольку Кант и Гегель сказали всё, что только может сказать человек о философских проблемах. Вскоре выяснилось, что это не так. И наше время не является окончательным. Мы находимся в процессе выработки принципиально новых концепций, и я думаю, что они кристаллизуются в 2020-х годах. Старый век кончился в 1990-м году. Все прежние философские концепции к этому времени реализовали свой потенциал. На смену им идёт какая-то новая философия.

И пытаться прогнозировать здесь что-либо бесполезно...

Я думаю, что это лишено смысла. Когда-то на стажировке в Швеции и в Америке мне пришлось просмотреть полторы тысячи философских журналов. Но сейчас их количество по меньшей мере утроилось, и проблемы в них ставятся совершенно по-новому. Работа идёт. Если мы не будем помнить об этом, наши труды лишатся смысла.

Если позволите, я задам вам ещё пару заключительных вопросов. Что привлекает Вас в последнее время? Какая книга или концептуальный ход произвели на Вас впечатление за последние годы? Чем занимаетесь в настоящее время вы сами?

Привлекает многое. Прежде всего, хочется ещё раз обратиться к методологии истории философии. Хочу концептуально оформить свои наработки в этой области в книгу. Кроме того, появилось огромное количество работ по философской компара-

тивистике, и все их хочется прочитать. Например, работы по философии Севера (а ведь есть ещё и философия Юга!). Философии Запада и Востока уже сравнивали, пришла пора провести новую ось. Большое впечатление произвела на меня книга А. Козна, посвященная сравнению марксизма и буддизма.

Я недавно сдал в печать учебное пособие (над ним работали сотрудники нашей кафедры) по изучению классиков мировой философии. Как читать тексты, не знают не только люди, далёкие от философии, но зачастую и сами философы. Сейчас я принимаю участие в работе над очень крупным изданием по истории мировой философии. Написать его в одиночку я не смогу из-за языковых трудностей и из-за отсутствия времени. Когда-то мы выпустили двухтомник «История современной философии: компаративистский подход». Я планирую значительно переработать эти книги, так, чтобы в обозримом будущем издать книгу под названием «История мировой философии: компаративистский подход». Такой труд необходим, поскольку во времена перемен мы должны предложить новую топологию философии. Есть и другие проекты, но не знаю, хватит ли на них времени.

¹ Чумаков А.М. Метафизика глобализации: Культурно-цивилизационный аспект. М., 2006.

² См.: Baudrillard, J. West of the Dateline. Eds. V. Grace, H. Worth and L. Simmons. Palmerston North (New Zealand). 2003.

³ Литература и философия в творчестве Поля де Мана (по текстам лекций Жака Деррида) // Позиции современной философии. 2000. № 2. С. 67-93.

⁴ Колесников А.С. Свободомыслие Бертрانا Рассела. М., 1978; Колесников А.С. Философия Бертрана Рассела. Л., 1991.

⁵ Соболева М.Н. Философия как «критика, языка» в Германии. СПб., 2005.

⁶ Колесников Л.С. Обозримые тенденции становления философии в начале XXI века // Историко-философский ежегодник. 2006. М., 2006.

⁷ Пигров К.С. Социальная философия. СПб., 2005.

⁸ Herculot J.P. A Woman's Philosophy of Woman, or Woman Affranchised. An Answer to Michelet, Proudhon, Girardin, Legouve, Comte. and Other Modern Innovators. N.Y.: Carelton. 1864. (Репринт: Westport (Conn.): Hyperion Press Inc., 1993.)

⁹ Ванчугов В.В. Женщины в философии (из истории философии в России XIX — нач. XX вв.). М., 1996.

¹⁰ Storia delle storie generali della filosofia. 4 vols. I-ds. Santinello G., Piaia G. Rome, 2004.

Основные публикации А.С. Колесникова:

1. Критический анализ эволюции философии морали Б.Рассела // Философська думка. Киев, 1977. № 4.
2. **Свободомыслие Бертрана Рассела. М., 1978.**
3. Рассел и Витгенштейн: проблемы философского взаимовлияния // Философская и социологическая мысль. Киев. 1989. № 8.
4. Позитивный экзистенциализм К. Уилсона (в соавт.) // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1990. Вып. 4.
5. **Философия Бертрана Рассела. Л., 1991.**
6. **Современная зарубежная философия: компаративистский подход.** В 2 т. (в соавт.). СПб., 1998.
7. Позитивный экзистенциализм Отто Фридриха Больнова // Больнов О.Ф. Экзистенциалистская философия. СПб., 1998.

8. Аналитическая философия: классические темы и новые тенденции // Позиции современной философии. 1999. № 1.
9. **Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб., 2000 (в соавт.)**
10. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. СПб., 2000.
11. Философия истории и рациональность // Е.М. Сергейчик. Философия истории. СПб., 2000.
12. Литература и философия в творчестве Поля де Мана (по текстам лекций Жака Деррида) // Позиции современной философии. 2000. № 2.
13. Современная философия и диалог культур на пороге третьего тысячелетия // Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия. СПб., 2000.
14. Философия как мировоззрение // Философия, ее место и функции в современной школе. Шуя, 2000.
15. К истории современного (западного) марксизма (неомарксизма) // История философии: проблемы и темы. К 60-летию профессора Ю.В. Перова. СПб., 2001.
16. Современный философский процесс в начале XXI века // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. К 60-летию профессора Ю.Н. Солонина. СПб., 2001.
17. Обозримые тенденции становления философии в начале XXI века // Исламская культура в мировой цивилизации и новые идеи в философии. Уфа; СПб., 2001.
18. Философская компаративистика: основные этапы и идеи // Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2001.
19. Учебный словарь по философии. СПб., 2002. (в соавт.)
20. Феноменология и деконструкция: компаративные размышления в связи с «концом философии» // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетия. К 75-летию профессора М.Я. Корнеева. СПб., 2002.
21. Вера и традиция в культуре России и Японии: компаративный подход // Вера как ценность. Материалы всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 2002.
22. Философская компаративистика в истории идей // Альманах. Вып. 25. Философский век. История философии как философия. СПб., 2003.
23. Философская компаративистика в утверждении новой культуры мира. Диалог культур и философий в России // Россия и Грузия. Диалог и родство культур. Тбилиси, 2003.
24. Философская компаративистика в России // Альманах. Вып. 25. 4.2. Философский век. История философии как философия. СПб., 2004.
25. Основы современной философии. Учебник для вузов. 5-е изд. СПб., 2004. (в соавт.)
26. Философия. Учебник для вузов. М., 2003. (в соавт.)
27. Герменевтика и компаративистика в истории философии // Философские и прикладные аспекты герменевтики. Воронеж, 2003.
28. Восток-Запад в неомифологии Рерихов // III международная научно-практическая конференция « Рериховское наследие: Восток-Запад на берегах Невы». СПб., 2004.
29. Философия. Учебник для вузов. М., 2004. (в соавт.)
30. Философия. Учебник для вузов. М., 2004. (в соавт.)

31. Философская компаративистика в диалоге культур // *Философские науки*. 2004. № 11.
32. Философия сознания Б. Рассела и современность // *Грязновские чтения*. М., 2003.
33. Рецепция идей Канта в философских культурах Запада и Востока // *Философия И. Канта и современность*. Минск, 2004.
34. Мишель Фуко и его «Археология знания» // Фуко М. *Археология знания*. СПб., 2004.
35. **Философская компаративистика: Восток — Запад. СПб., 2004.**
36. Философская компаративистика как проблема и метод исследования // *Философская мысль в Санкт-Петербурге. Идеи и развитие*. СПб., 2005.
37. Философская компаративистика в поле глобальных перемен // *Вестник РУДН. Философия*. М., 2005.
38. Формы и виды толерантности в мире // *Толерантность и интолерантность в современном обществе*. СПб., 2005.
39. Диалог и толерантность в философии Амина Ар-Рихани // *Толерантность и интолерантность в современном обществе: общее и различное*. СПб., 2006.
40. *Философия. Учебное пособие для вузов*. 2-е изд. Минск, 2006. (в соавт.)
41. Философская компаративистика в поле глобальных проблем // *Вестник РУДН. Философия*. 2006. № 1.
42. Национальное и интернациональное в африканской философии // *Международные организации в России и проблемы культурной интеграции. Материалы Международной конференции РГПУ*. СПб., 2006.
43. Обозримые тенденции становления философии в начале XXI века // *Историко-философский ежегодник*. 2006. М., 2006.
44. Компаративный анализ, диалог культур и трансгрессия // *Трансграничье в изменяющемся мире: Россия-Китай-Монголия. Материалы международной научно-практической конференции*. Чита, 2006.
45. Компаративная философия и диалог культур // *Filosofia v kontexte Globalizujuceho sa sveta Zbornik prispevkov z 3. slovenskenho filozofickeho kongresu konaneho v Kongresovom centre SA V v Smolenciach 7-9 novembra 2005*. Bratislava, 2006.
46. Восток-Запад в гуманистической философии Ар-Рихани // *Диалог цивилизаций как призвание*. М., 2007.